

3. Миромоделирование в языке и тексте: Сборник научных трудов / Под ред. З.И. Резановой. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 2003. — 208 с.
4. Мусагитова Г.Н. Способы эксплицирования картины мира автора в прозаическом тексте: деятельностный аспект (на материале творчества Ю.К. Олеси): 10.02.01 — русский язык / Омский гос. ун-т им. Ф.М. Достоевского. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Омск, 2005. — 17 с.
5. Новикова М.Л. Остранение как основа образной языковой семантики и структуры художественного текста. — М.: Изд-во РУДН, 2005. — 307 с.
6. Степанченко И.И. Поэтический язык Сергея Есенина (анализ лексики). — Харьков: ХГПИ, 1991. — 189 с.

Статья поступила в редакцию 02.03.2006 г.

□

УДК 811.111 -342

О. Я. Присяжнюк

ЯЗЫКОВАЯ НОРМА КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Современная лингвистика характеризуется значительным интересом к изучению социального функционирования языка, в том числе к проблеме нормы и ее вариативности и факторам, обусловившим эту вариативность [1;9]. Интерес к проблеме языковой нормы, интонационной нормы, в частности, лингвисты проявили сравнительно недавно. Проблемы языковой нормы, регулирования литературного языка и культуры речи считались темами, недопустимыми в языковедении, так как по мнению лингвистов, при определении нормативности явлений необходимо руководствоваться собственными привычками и вкусами, ибо не существует объективных критериев «правильности» и «неправильности» речи [11]. Однако, несмотря на отрицательное отношение некоторых лингвистов к проблеме языковой нормы, вопрос о языковой норме так же стар, как и сам язык, так как без языка нормы не существует. Актуальность данной проблемы определяется возрастающим интересом к изучению, с одной стороны, реального функционирования современного английского языка как языка международного общения, как средства достижения взаимопонимания между людьми различных культур, осуществляющими совместную деятельность, с другой стороны, языковой личности в различных проявлениях языковой деятельности.

Целью данного исследования является выявление основных тенденций развития нормы, обусловленных социально-историческими условиями развития общества. «Норма — неотъемлемый атрибут языка на всех этапах его развития» [2, с. 337]. Языковая норма существует в любом языковом коллективе и входит в ряд норм и обычаев, представленных в обществе в разные периоды его развития. Каждый член коллектива стремится к тому, чтобы его речь не отличалась от речи других членов коллектива, то есть подчиняется литературной норме. Другими словами, в основе языковой нормы лежит коллективный узус. Социальный аспект проявляется не только в отборе и фиксации языковых явлений, но и в системе их оценок (например, «правильно-неправильно», «уместно-неуместно», «красиво-некрасиво»).

«Языковая норма может быть охарактеризована как совокупность явлений, разрешенных системой языка, отобранных и закрепленных в речи носителей языка и являющихся обязательными для всех владеющих литературным языком в определенный период времени. Норма является ограничением вариативности системы» [8]. На уровне звуковой системы языка норма определяется как отработанная произносительная форма единого литературного языка, которая подчиняется

законам и правилам, и поэтому принятая в определенном языковом коллективе. «Языковая норма — это совокупность наиболее устойчивых традиционных реализаций языковой системы, отобранных и закрепленных в процессе общественной коммуникации. Норма как совокупность стабильных и унифицированных языковых средств и правил их употребления, сознательно фиксируемых и культивируемых обществом, является специфическим признаком литературного языка национального периода» [2, с. 337]. В понятие стабильности нормы входят следующие признаки: историческая устойчивость, традиционность, некоторое ограничение возможных колебаний и вариантов.

Лингвисты описывают норму как социально одобряемое правило, изменяющееся в процессе исторического развития общества. То есть, норма, как и сам язык, явление постоянно развивающееся: историческое развитие языковой нормы является формой ее существования. Языковая норма изменяется, потому что функционирует в изменяющемся обществе и должна отвечать потребностям общественной жизни, подчиняться условиям этой жизни. Таким образом, «понятие языковой нормы диалектически основывается на признаках устойчивости языковой структуры и динамики языкового развития» [9]. Вышеизложенное позволяет отнести динамизм и устойчивость нормы к основным признакам, характеризующим языковую норму.

Выделяются три основных отличия литературной нормы от диалектов и разговорной речи: 1) более высокая осознанность, что объясняется фактом сознательной оценки нормы и принятия ее обществом; 2) более строгая обязательность, что закрепляется ее кодификацией; 3) большая функциональная и стилистическая дифференциация [13]. О динамизме развития нормы пишет У. Лабов в своих исследованиях. Языковое изменение начинается с того, что распространяется на всех членов одной социальной подгруппы («изменение снизу», то есть изменение, находящееся ниже уровня социальной осознанности; на этом этапе языковая переменная является показателем, который определяется как функция от принадлежности к группе); далее в той же подгруппе языковое явление претерпевает «социальное давление», которое У. Лабов называет «гиперкоррекцией снизу» — здесь языковой переменной является функция от групповой принадлежности и возраста. На этом этапе решается «судьба» данного языкового явления; лишь изменение, которое возникло в группе, имеющей высший социальный статус, становится господствующим образцом для всех членов языкового коллектива, то есть принимается всеми остальными социальными группами (в противном случае измененная форма подвергается осуждению и может либо претерпеть изменение в сторону престижных образцов, либо исчезнуть вовсе). Когда языковое изменение достигает предела в своем распространении, языковая переменная становится элементом нормы, характеризующим языковой коллектив, все члены которого начинают одинаково реагировать на его употребление. На этом этапе переменная становится маркером и обнаруживает стилистическое варьирование [11; 12]. Итак, признание нормативности основывается на: 1) соответствии структуре языка; 2) факте массовой и регулярной воспроизводимости данного явления в процессе коммуникации; 3) общественном одобрении в признании соответствующего явления нормативным [2, с. 338]. В Великобритании за последние пять столетий наиболее престижное положение завоевал тип произношения, который вслед за Д. Джоунзом традиционно называется Received Pronunciation (RP) — орфоэпическая норма английского литературного произношения или британская национальная орфоэпическая норма, сложившаяся на основе южноанглийского типа произношения. В предисловии к первому изданию своего словаря Д. Джоунз определил RP как тип произношения, который наиболее часто можно услышать в повседневной речи в семьях южан, мужская половина которых получила образование в привилегированных «паблик-

скулиз» — частных средних школах, выпускники которых впоследствии занимают ключевые посты в политической и экономической жизни страны [10]. Однако большинство современных британских лингвистов считают определение, данное Д. Джоунзом, не совсем подходящим для современного британского общества [6; 9; 13; 14]. Сегодня круг людей, говорящих на RP, значительно расширился и больше не ограничивается избранной «верхушкой» общества. Это объясняется тем, что за последние пятьдесят лет всё население Великобритании было подвержено воздействию орфоэпической нормы через средства массовой информации, выступления общественников и т.д. В современной Великобритании значительное большинство образованных людей пользуются одним из вариантов RP или региональных вариантов стандартного произношения (региональный стандарт). На территории Британских островов существуют: британская орфоэпическая норма, а также северный, шотландский, ирландский региональные стандарты.

Орфоэпическая норма считается «нелокализуемым», регионально «нейтральным» типом произношения. Однако лингвисты утверждают, что исторически сложившаяся на базе южно-английского типа произношения орфоэпическая норма сохраняет все черты юго-восточного типа произношения, на котором говорят образованные жители Лондона и юга Англии [5]. В пределах каждого произносительно-стандарта существует и социальная вариативность, связанная с факторами как стратификационного, так и ситуативного характера. Оба этих понятия — стандарт и вариант — неотделимы друг от друга, и их необходимо рассматривать во взаимосвязи, так как развитие нормы осуществляется через варианты. Именно на примере вариантных способов выражения можно проследить систематичность, последовательность влияния социального на языковое [13]. При исследовании нормы литературного языка лингвист неминуемо сталкивается с двумя видами явлений, имеющих одинаково важное значение. Это, во-первых, свойства данного языка как системы: во-вторых, социолингвистические и психолингвистические факторы, связанные с условиями функционирования данного языка в определенном языковом коллективе в определенный период времени [2, с. 87].

Характерной чертой фонетической вариативности является то, что количество допустимых нормой вариантов больше, чем на других уровнях, что обусловлено территориальными и социальными (возрастными, профессиональными, образовательными) характеристиками. Таким образом, функциональная дифференциация языковой нормы в синхронии объясняется: а) существованием региональных вариантов или субвариантов литературного языка; б) социальной стратификацией литературного языка [3].

Английские ученые считают, что лучше всего изменения нормы прослеживаются у дикторов Би-Би-Си, читающих радионовости [4; 7]. Орфоэпическая норма английского литературного произношения RP (Received Pronunciation) была изначально выбрана для чтения новостей потому, что это произношение наиболее понятно всем носителям английского языка и не вызывает критики со стороны носителей регионального произношения [1]. RP получил широкое признание британцев как ни один другой региональный тип произношения. Именно поэтому RP иногда называют «BBC English» — английский язык Би-Би-Си. Простейшие данные, свидетельствующие о наличии изменений нормы, могут быть получены из наблюдений за двумя последовательными поколениями людей с сопоставимой социальной принадлежностью, владеющих нормой, то есть представляющих разные стадии развития одного языкового коллектива. Например, в результате наблюдения за группой людей, принадлежащих к одной возрастной и социальной группе и говорящих на «авангардистском» RP, Дж. Уэллс пришел к выводу, что некоторые черты произношения из прошлых лет «возвращаются» и считаются

сегодня особым «шиком»: например, произношение [a] вместо [æ], что в 60-е годы считалось провинциализмом [14].

Наблюдение за речью дикторов 30-х – 90-х годов выявило следующее:

- в 30-е – 40-е годы радионовости читались «шикарным» («posh») голосом со строгим соблюдением орфоэпической нормы. В эти годы отклонения от орфоэпической нормы практически исключались. Даже рекламы строго соответствовали произносительному стандарту. В 30-е годы дикторы в вечерних костюмах вещали языком, не уступавшим «королевскому английскому» [7]. В 60-е – 70-е годы отмечается расхождение RP на две ветви: консервативную (соотносимую с представителями элиты и старшего поколения) и общепольскую (General RP);
- произношение средних классов, преподаваемое в общедоступных средних школах, то есть заметно расширяется использование менее регламентированных речевых форм за счет бесед, интервью и выступлений по радио носителей регионального произношения, диалектов просторечия, молодежного жаргона. Образ диктора Би-Би-Си из «чопорной тётюшки» со «строгой, назидательной манерой («Aunty»)), говорить на «правильном» языке превращается в «друга семьи» («Family friend»), то есть начинается процесс интимизации, демократизации и «персонификации» (варьирования языка в зависимости от текста); речь становится раскованней.

В 80-е – 90-е годы процесс демократизации языка перелач Би-Би-Си продолжается. Возрастает удельный вес «дискокейного стиля», ориентированного на молодежь, и ситуативного стиля («topic-related style»). «Официальные требования к произношению дикторов, читающих новости Би-Би-Си, стали гораздо менее жесткими, чем были в 30-е годы» [9]. Именно в это время начинается противостояние мнений ревнителей «чистоты языка» («purists») и тех, кто выступает за либерализацию норм речи [4]. Сегодня стиль радионовостей стал еще более разговорным («chatty») и оживленным, в чтении возможны диалектные «вкрапления». Д. Кристал пишет, что речь дикторов Би-Би-Си, оставаясь образцом речи образованных людей, демонстрирует сегодня значительную региональную вариативность и множество существующих модифицированных форм RP. Он считает, что орфоэпическая норма RP утратила свой былой социальный престиж, особенно в среде молодежи, и многие сейчас предпочитают регионально маркированные типы произношения [5]. Более того, некоторые новости читаются на диалектах, причем предпочтение отдается южным региональным диалектам, таким как корнуольский, бристоульский и гемпширский, которые, согласно социологическому опросу, звучат наиболее «приятно» и понятно, так как похожи на норму. Диалектные «вкрапления», более высокий темп речи, «домашний» голос придают нормализованному произношению разговорный характер. Однако данные социологического опроса, проведенного английскими социолингвистами, свидетельствуют о том, что не всем нравится регионально маркированная речь и большинство опрошенных англоговорящих утверждают, что не воспринимают серьезно и не верят новостям, прочитанным в разговорном стиле [12]. В целом, помимо изменения стиля чтения новостей, сама произносительная норма изменилась незначительно и малозаметно. Норма неоднородна по составу входящих в неё явлений. Ядро нормы составляют стилистически нейтральные, и, следовательно, наиболее широкие употребляемые формы, периферию – явления архаические и новые, а также явления функционально и территориально маркированные, но использующиеся, тем не менее, в рамках литературной нормы [9].

Представляется необходимым определить термин «диалект», противопоставляемый понятию «норма». В современной лингвистике различений в определении поня-

тия «диалект» не существует. Так, по мнению американских исследователей, диалект есть лишь обычный вариант языка, отличающийся от других подобных ему вариантов рядом черт фонетического, грамматического или лексического характера. Диалекты возникают при наличии географических и социальных барьеров в системе обращения: чем выше барьер, тем резче проявляются диалектные различия [1; 4]. Британский лингвист Д. Кристал также определяет диалект как вариант языка, отличающийся от других вариантов определенным набором слов и грамматических структур на региональном и социальном уровнях; устные диалекты связаны с различиями в произношении [5, с. 103]. А.Травкина определяет диалект как разновидность языка, которая употребляется более или менее ограниченной группой людей, связанных территориальной или социальной общностью [3, с. 2], то есть непингвистическими категориями.

Таким образом, наряду с территориальными диалектами имеются ещё и социальные. Социальный диалект — это принятый в данном сообществе субвариант речи, который благодаря действию определенных общественных сил является характерным для определения этнических, религиозных и экономических групп или групп индивидуумов с определенным типом образования. Вообще, чем больше предпочтение отдается какому-либо из субвариантов в данном сообществе, тем большее различие обнаруживается между ним и его менее удачливыми соперниками [13]. Нет ни одного сообщества, в котором бы не было социальных диалектов.

Различие между единообразием и разнообразием диалектов становится менее важным, чем различие между индивидуальным и общественным. Д. Гамперц считает, что современное языковое варьирование принимает две формы: диалектальное и наславивающееся. Диалектальное варьирование происходит в группах, различающихся в социальном или территориальном отношении, и отражает индивидуальную историю говорящего, то есть указывают на происхождение его семьи, а также на всякое последующее изменение в групповых связях — например, на переезд из одной области в другую или на изменение в социальном положении. Итак, под диалектальным (межличностным) варьированием Д. Гамперц подразумевает как территориальные, так и социальные диалекты. Под наславивающимся (внутриличностным) варьированием он понимает отражение действительности индивидуума в его регулярной повседневной практике, а именно социальные роли [7, с. 35]. Таким образом, по речи человека можно судить о том, откуда и к какому социальному классу он принадлежит. Многие лингвисты отмечают, что особенно важными в социальной дифференциации оказываются фонологические показатели, то есть показатели, основанные на элементах звуковой системы языка, которые коррелируются с абстрактной мерой социального положения. Т.И. Шевченко отмечает, что значительная доля данных о личности говорящего зависит от его произношения [4].

Итак, суммируя вышеизложенное, можно сделать следующие выводы:

- 1) языковая норма является лингвистической, исторической и социальной категорией;
- 2) основными признаками, характеризующими языковую норму, являются ее устойчивость и динамизм;
- 3) степень владения нормой индивида может свидетельствовать о его происхождении и социальном положении.

Литература

1. Диалект, акцент, просодия / Сост. Т.И. Шевченко. — М., 1999. — 47 с.
2. Лингвистический энциклопедический словарь. — М.: «Советская Энциклопедия», 1990. — 683 с.
3. Травкина А.Д. Английское региональное произношение. — К.: КГУ, 1986. — 60 с.
4. Шевченко Т.И. Социальная дифференциация английского произношения. — М.: Высшая школа, 1990. — 144 с.

5. Crystal D. *The English Language*. — London: Penguin Books, 1990. — 288 p.
6. Gimson A. *An Introduction to the Pronunciation of English*. — NY, 1989. — 364 p.
7. Gumperz J.J. *Language in Social groups*. — Stanford Univ. Press, 1971. — 350 p.
8. Hudson R.R. *Sociolinguistics*. — Cambridge Univ. Press, 1996. — 279 p.
9. Hughes A., Trudgill P. *English accents and dialects*. — Arnold, 1996. — 142 p.
10. Jones D. *An Outline of English Phonetics*. — Camb. Univ. Press, 1997. — 378 p.
11. Labov W. *Sociolinguistic Patterns*. — Univ. of Pennsylvania Press, 1991. — 344 p.
12. Labov W. *Principles of linguistic change*. — Blackwell, 1992. — 250 p.
13. Trudgill P. *Introducing language and society*. — Penguin Books Ltd., 1992. — 79 p.
14. Wells J.C. *Accents of English*. — Cambridge Univ. Press, 1982. — Vol. 2. — 465 p.

Стаття постуила в редакцію 13.03.2006 г.

УДК 811.111

В. Ф. Радкіна

ЕСТЕТИЧНА ЦІННІСТЬ ТЕКСТУ ЯК ЛІНГВІСТИЧНА ПРОБЛЕМА

Дослідження своєрідності естетичної цінності літературного тексту, що дістала широкого розповсюдження у сучасній західній та вітчизняній філології, набуває особливої ваги у зв'язку з осмисленням основних методологічних принципів, на яких базується новітня лінгвістика. Сучасні дослідники (Ю.Крістева, В.Ізер, Е.Барботен, Ю.Лотман, А.Науменко та ін.), на роботи яких ми спираємось, переконані в особливій важливості естетики тексту для розробки актуальних проблем гуманітарного знання. У вивченні означеної проблеми застосовуються насамперед концепції Ю. Лотмана „ Структура художнього тексту” (1970), В. Ізера „Процес читання: феноменологічне наближення” (1972), А. Науменко „Філологічний аналіз тексту (основи лінгвопоетики)” (2005).

На наш погляд, є сенс почати дослідження поставленої проблеми з визначення тексту як лінгвістичної категорії. Спочатку звернемося до словників. Фундаментальний словник французької літературної мови за редакцією Ф. Форест та Ж. Коніо трактує текст як термін, здібний використовуватися в любых контекстах та конструкціях незалежно від форми їх написання [1, с. 389]. Літературознавчий словник-довідник (ред. Гром'як Р.Т.) визначає текст як „відтворення на письмі або друком авторська праця, висловлювання, документи тощо... У ширшому значенні текст — будь-яка послідовність слів, зведена за правилами даної схеми мови” [2, с. 678]. Сучасний російський словник-довідник з літератури тлумачить дану категорію в більш широкому ракурсі: в мовознавстві — як акт використання природної мови; в літературознавстві — як власне мовна грань літературного твору, що виділяється в ньому поряд із предметно-образним аспектом і ідейно-значеннєвою сферою; в семіотичі — як зв'язні знакові комплекси, так і позасловесні (звернені до зору, слуху, чи до зору і слуху одночасно) [3, с. 530].

Щодо визначень лінгвістів, звернемося до досліджень Л.С. Лемешко та І.В. Табачек, що тлумачать текст як лінійну послідовність речень і визначають його як структуру лінгвістичних знаків [4, с. 104]. Французька дослідниця Ю.Крістева визначає текст як транслінгвістичний засіб, який перерозподіляє мовний порядок так, що комунікативна мова являє собою зв'язок безпосередньої інформації з попередньою чи синхронною [5, с. 202-204].

Оригінальною є концепція Е.Барботен. На його думку, текст не може бути природним об'єктом, він з першого погляду — артефакт (*artefact*), який містить: значення (*ratio textus*), що приховане за матеріальними знаками; герменевтичне коло (*cercle herménéutique*) — автор та його твір; інтертекстуальність (*intertextualité*)